

Владислав Лецик

Грустный реванш профессора Пирата

**фрагмент рассказа
«Грустный реванш профессора Пирата»
из книги «Ревизор Восточного полушария»**

Маленькая старушка-эвенкийка подыскивала кличку белому щенку. Щенок помог ей в этом. Ковыляя туда-сюда по комнате, он нашёл на полу шахматную фигурку из пластмассы. Такую же белую и головастую, как и он сам.

И старушка назвала щенка Шахмат. Для справки укажем, что в этом несколько неожиданном, с точки зрения грамматики, слове ударение поставлено на первый слог. Кличка звучная, раскатистая. Если вы крикните: «Шахмат!» – вся тайга скажет: «Ах!.. Ах!», – три синицы слетят с ветки, уронив вам за шиворот снежный ком, и белый пёс вылетит из кустов.

Желтовато-белый пёс. И язык у плеча – словно красное кашне.

Одно ухо смотрит у него вверх, а другое – вниз. Сам Шахмат смотрит всегда в одну сторону – в ту, откуда вкусно пахнет. Глаза у него цвета жигулёвского пива, и в них вертится столько находчивости, сколько хватило бы на десяток толстых дядек, торгующих этим пивом.

Первые два года жизни Шахмат провёл в посёлке, и провёл приятно. Смачный кусок был всегда обеспечен, потому что Шахмат умел его стащить или выклянчить с помощью подхалимства. Досуг проходил в драках. Клыки у пса были крепкие, а если противник оказывался силён, то выручали приятели.

Жизнь была проста, и в жизни везло. И если бы Шахмат действительно разбирался в шахматах, он бы не задумался сравнить себя с ферзём.

И вдруг – незнакомая обстановка. Тайга, пахнувшая бурундуками и мышами. Олени с колокольчиками на шее и с плохой привычкой драться передним копытом. Палатка, где варят мясное. Вьючные сумки там и сям, усыпанные жёлтой хвоей лиственниц. И два пса – Рыжий и Пират, два

лесных невежи, которых придётся просветить насчёт его, Шахмата, доблестей и умения жить.

Добравшись до реки Ын, мы затеяли ночью рыбалку «на мыша». И сразу же вытащили ленка. От этой удачи крылья выросли на пиджаках. Положив ленка на галечной косе, мы вдохновенно спотыкались впотымах о коряги, махали спиннингами на плёсах и коченели от холода. Луна убежала в облака и возвращалась – глянуть, не поймали ли мы ещё рыбки? Нет, не поймали...

Мы ругали реку и холод, заодно и Шахмата, который сопровождал нас, а потом бросил. Наверное, вернулся к палатке.

– Лодырь! – ворчали мы. – У костра греется.

Но Шахмат прибежал. Он не бросил нас! Он бил хвостом по камням, приседая, и желая умереть от любви к хозяевам.

– Ну, ну, Шахмат! – расторгались мы.

Мы в тот момент и не знали, что вполне заработали такую любовь. Единственная наша рыбина восхитила Шахмата, и он слопал её вместе со шпагатом, продетым сквозь жабры...

Так Шахмат познакомил нас со своими манерами.

С Рыжим и Пиратом он свёл знакомство в первый же день.

Рыжий – весёлый пёс. Весёлый от молодости и от того, что, хотя таёжная работа и тяжела, но получается она хорошо, и самому радостно, и хозяин доволен. А Пират, чёрный, с белой грудью, глядит хмуро, потому что стар. Других причин хмуриться у него не было. Пока не появился Шахмат.

У Рыжего и у Пирата, как у всякой собаки, нет в обиходе понятия «гость». Есть понятие «чужой». А если чужой – держи себя в рамках.

У Шахмата в свою очередь не было понятия о рамках.

Сначала обе стороны лишь скупно – на четверть клыка – оскалились. Потом собакам раздали еду.

Съев свою порцию, Шахмат прошёлся и встал не так чтобы далеко от пирата, который угрюмо встряхивал головой, опустошая свою миску. Смысл

хода был ясен: поселковый ферзь объявлял шах захудалому таёжному королю.

На помощь Пирату рванулся Рыжий. Собаки – белая, чёрная и рыжая – образовали клубок, цвет которого невозможно было определить, потому что клубок бешено закрутился по табору. Мы выскочили из-за палатки и минут пять, ничего не слыша от собачьего визга и рычания, работали сапогами и поленьями. У Шахмата оказалось разорванным ухо, но вид он имел задорный: мы, мол, себя ещё покажем!

Ферзь не отказался от наступательной стратегии. Но теперь Шахмат накидывался на Пирата, лишь видя, что рядом нет Рыжего. Пирату приходилось туго.

– Что, старик, попало? – сочувствовали мы. – Были бы у тебя клыки как клыки, ты б ему показал...

Пират мрачно в сторону. Клыками он не мог похвастать. Это удел каждой собаки-соболятницы. Загнав соболя в его убежище и пытаясь до него добраться, она в злобе грызёт и камни, и корни, и мёрзлую землю. Тупые или сломанные клыки старой рабочей собаки вызывают почтение, показывая, что пёс честно трудился на хозяина. А для драки они годятся мало...

Пират – не лайка. Он, как говорят знатоки, «даже не лайкоид». Но за свою жизнь он загнал хозяину соболей больше, чем Шахмат стащил плохо лежащих кусков. А Рыжий, работяга и добытчик Рыжий, – он ученик Пирата.

А главное – медведи, убитые Иваном Соловьёвым, видывали перед смертью пиратовы ступленные клыки на близком расстоянии.

И вот – терпи, старик. Одной отваги и опыта недостаточно, чтобы проучить молодого нахала, у которого клыки – хоть на выставку.